

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 32–36

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 32–36

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-32-36>, EDN: JSYLCL

Научная статья

УДК 165.023.1+165.4

Философская рефлексия в поисках утраченной истины

С. Ю. Анисимова[✉], Т. В. Борисова

Самарский государственный технический университет, Россия, 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244

Анисимова Светлана Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, anisimova.svietlana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9075-9664>

Борисова Татьяна Вадимовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, BorisovaTVa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0200-2949>

Аннотация. Введение. Актуальность исследования определяется тем, что в программах постклассической рациональности роль истины в познании сведена на нет. **Теоретический анализ.** Исследованы онтологические и гносеологические причины трансформации феномена истины в постклассических программах. Выявлено, что в новой методологии постклассических программ взаимодействие объективности и субъективности в познании определяется границами мыслительного эксперимента, который идеализированно представляет любой природный и технический объект. **Заключение.** Онтологической причиной «исхода» истины является замещение природных процессов искусственно-технологическими. В результате исследуются не характеристики объекта, а выясняются оптимальные условия его проектирования. Гносеологическая причина связана с абсолютизацией методов идеализации, с их помощью описываются любые идеальные объекты, которые моделируются и проектируются. Появляется другая методология в анализе объективности и субъективности в познании, которая определяется границами мыслительного эксперимента, который идеализированно представляет любой природный и технический объект. В программах постклассической рациональности происходит разрушение самого принципа сопоставления знания об объекте с самим объектом. Поэтому исследователь начинает изучать не факты естественного мира, а аналитику собственной процедуры производства знания о знании. В этих процессах истина исчезает из познавательного процесса.

Ключевые слова: истина, функционал научного знания, техносфера, конструирование природной реальности, естественное и искусственное, идеализация объектов, поиски истины

Для цитирования: Анисимова С. Ю., Борисова Т. В. Философская рефлексия в поисках утраченной истины // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 32–36. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-32-36>, EDN: JSYLCL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Philosophical reflection in search of the lost truth

S. Yu. Anisimova[✉], T. V. Borisova

Samara State Technical University, 244 Molodogvardeyskaya St., Samara 443100, Russia

Svetlana Yu. Anisimova, anisimova.svietlana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9075-9664>

Tatyana V. Borisova, BorisovaTVa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0200-2949>

Abstract. Introduction. The relevance of the study is determined by the fact that in the programs of postclassical rationality the role of truth in cognition is reduced to nothing. **Theoretical analysis.** The ontological and epistemological reasons for the transformation of the phenomenon of truth in postclassical programs are investigated. It has been revealed that in the new methodology of postclassical programs, the interaction of objectivity and subjectivity in cognition is determined by the boundaries of a thought experiment, which idealizes any natural and technical object. **Conclusion.** The ontological reason for the «outcome» of truth is the replacement of natural processes by artificial and technological ones. As a result, not the characteristics of an object are studied, but the optimal conditions for its design are determined. The epistemological reason is connected with the absolutization of idealization methods, and any ideal objects that are modeled and designed are described with their help. Another methodology appears in the analysis of objectivity and subjectivity in cognition, which is determined by the boundaries of a thought experiment that idealizes any natural and technical object. In the programs of postclassical rationality, the very principle of comparing knowledge about an object with the object itself is destroyed. Therefore, the researcher begins to study not the facts of the natural world, but the analytics of his own procedure for producing knowledge about knowledge. In these processes, truth disappears from the cognitive process.

Keywords: truth, functionality of scientific knowledge, technosphere, construction of natural reality, natural and artificial, idealization of objects, search for truth

For citation: Anisimova S. Yu., Borisova T. V. Philosophical reflection in search of the lost truth. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 32–36 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-32-36>, EDN: JSYLCL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Сегодня в исследовательском поле междисциплинарного дискурса естественных и гуманитарных наук по-прежнему актуальной остаётся проблематика истины. Общеизвестно, что философская рефлексия истины связана не только с анализом разнообразных трактовок истины, но и с выбором собственных методов подтверждения истины, т.е. способов проверки знания, которые презентированы в формах данных чувственного опыта, суждений, интуиции, теории, когнитивных систем. Геополитические, экономические и культурно-ценностные трансформации общества не только изменили привычные устои миропорядка, но и подвели к осознанию того, что в исследовательских программах истины демаркация между знанием и не знанием, знанием и ложью, знанием и иллюзией всё больше приобретает функциональное значение, выступает неким прикладным маркером, на основе которого принимаются те или иные политические решения (политическая практика показала, что на основе иллюзорного или не полного знания принимаются те политические решения, которые приносят ущерб государству и обществу).

Целью данной работы является исследование онтологических и гносеологических причин трансформации феномена истины в постклассических программах. Методом исследования является идеализация, абсолютизация которой приводит к исчезновению истины и анализ избранных философских работ по этой тематике.

В статье делается попытка выяснить онтологические и гносеологические причины «исхода» истины из современного исследовательского поля и пояснить роль метода идеализации и смены функциональной направленности философской рефлексии в этой ситуации.

Теоретический анализ

Известно, что философская мысль, работая с проблематикой истины, представила научному и философскому сообществу известные исследовательские программы истины. Для уточнения представленной нами темы исследования, отражённого в названии статьи, напомним

разработанные исследовательские программы истины. Корреспондентская теория истины или классическая – Аристотель; прагматическая – Ч. Пирс, Д. Дьюи, У. Джеймс; марксистская – К. Маркс; конвенциональная – А. Пуанкаре, Т. Кун; конструктивистская – П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман и др.; интерсубъективная или коммуникативная – Ю. Хабермас; экзистенциальная – С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер и др.; семантическая – А. Тарский. Все вышеперечисленные программные экспозиции истины, работая в рамках классической, неклассической и постклассической рациональности, актуализировали собственные теоретико-методологические установки в исследовании проблематики истины. При этом «конкретика» методологических установок философов, которые работали в условиях лингвистических и антропологических измерений бытия, позиционировалась как научная заявка на легитимное признание своего исследовательского статуса. В результате произошло переосмысление функционала научного знания в познавательной деятельности. Функционал научного знания координирует не аналитику реальной жизни, а направлен на изменение социальной и культурной жизни общества. Другими словами, «функциональный поворот» изменяет содержание процессуальных процедур в познавательной деятельности. Исследователь теперь может отказаться не только от принципа фундаментализма в науке, но и от признания наличности любого субстанционального начала бытия и познания.

Артикулирование функциональной роли знания в освоении мира способствовало появлению тех эпистемологических программ, в которых презентировались новые стратегии работы с научным знанием. В этих программах конверсия объекта и субъекта могла определяться не мыслью о предмете (объекте), а мыслью о тех дискурсивных кодах в фокусе которых изучались механизмы, порождающие культурные смыслы и интерпретации. В этих условиях методология организации научного знания антропологизируется: субъект активно интегрируется в смысловые интерпретации, конвенции, знаковые конструкции и посредством языковых форм позиционирует собственный социально-

культурный опыт, что позволяло ему громко требовать признания своего философского и научного статуса. В исследовательский процесс включаются не только процедуры получения достоверного знания, но и система интерпретирующей активности субъекта, которая представляет собственную ценностно-научную позицию. Известный российский эпистемолог И. Т. Касавин утверждает, что «постнормальная наука не может ориентироваться на объективную репрезентацию фактов мира, её внутренними ценностями являются качество и полнота информации с разных эпистемологических и онтологических позиций. Оценка рассматриваемого возможного решения должно происходить с учётом культурных и моральных перспектив» [1, с. 52]. Таким образом, сложное взаимоотношение между субъектами и объектами познания перемещается в пространство философской научной рефлексии, в котором происходят, по меткому замечанию В. Latour, «... взаимонастройки идей и вещей» [2]. Инвариантность идей и вещи представляет человеку возможность не только быть агентом социального бытия, но и измерять бытие внутри себя, «... пережить бытие в ситуации постижения» [3, с. 157].

Подчеркнём, что в рамках нового «изменённого» взаимодействия объекта и субъекта происходит своеобразное «прощание» как с субъектом, так и с объектом. Философское осмысление этих изменений было представлено, как известно, концептами: «симулякр» (Ж. Бодрийяр), «реальное» (Ж. Лакан), «спектакль/товар» (Г. Дебора), «языковые игры» (Ж. Ф. Лиотар), «возвышенный объект идеологии» (С. Жижек) и др. Но вместе с объектом приходится проститься и с субъектом познания. И если в методологии неокантианцев и марксистов субъект познания представлен в качестве рационально-логической познавательной активности, то в дискурсе постмодерна его эволюция завершается «похоронами» – «смерть автора» (Р. Барт), «конец человека» (М. Фуко), «конец социального» (Ж. Бодрийяр), «эффект угасания аффекта» (Ф. Джеймисон).

Изменение роли объекта и субъекта, их «рассеивание» и «исчезновение» в познавательной деятельности требуют рационального объяснения. На наш взгляд, онтологическим основанием «познавательного исхода» объекта и субъекта при исследовании реального мира является динамика взаимодействия природы, техники и технологий в жизнедея-

тельности общества. Результатом этого взаимодействия стало постепенное, но настойчивое замещение природного мира техносферой. В итоге исследователь получает возможность естественные процессы природы заменить искусственно-технологическими (например, процедура ЭКО, замена натуральной пищевой продукции созданной в лабораторных и искусственных условиях). Известно, что субстанциональной платформой техники является не сам техно-объект, а процедурная сторона его изготовления. Поэтому целеполагание любой технологической процедуры направлено не на работу с объектом как таковым, а с выяснением оптимальных условий его проектирования. С учётом возрастающей роли имитационного компьютерного моделирования в научном познании повысился статус методов идеализации, с помощью которых стало возможным построение идеальных объектов. Оказалось, что система теоретического языка, описывающая идеальные модели, не совпадает с языковой терминологией описания традиционных методов «наблюдение» и «эксперимент». Таким образом, экспликация техносферы в структуру природной среды позволила сформировать новую «методологическую эпистему», в исследовательском поле которой разворачивается собственный дискурс процессуального взаимодействия субъективности и объективности в познании. Пространство их взаимодействия протоколируется границами сконструированного мыслительного эксперимента как идеализированной представленности природного объекта. В процессе идеализации происходит «изящное» замещение естественного искусственным и искусственного естественным. При этом любые объекты реального мира, как природные, так и искусственные, могут существовать в качестве контекстуальных мнений и точек зрения. А уже при должных усилиях самого исследователя, который склонен абсолютизировать контекстуальные или экзистенциальные атрибуты бытия человека, происходит разрушение самого принципа сопоставления знания об объекте с самим объектом. В итоге появляется методологическая установка, направленная не на изучение фактов естественной или искусственной реальности, а на аналитику собственной процедуры производства «знания о знании». Это позволяет исследователю концептуально обосновать необходимость замены онтологической про-

блематики концептами эпистемологических теорий, где активно актуализируются сюжеты социокультурной обусловленности процесса производства знаний, формируются общие платформы знаний, аксиологическая ценность которых определяется культурными и моральными перспективами развития общества. А если учитывать склонность естественнонаучного знания «...к изменению своего содержания и его опровержению...» [4, с. 68–69], то становится понятным уход субъекта познания в экзистенциальные и языковые сферы.

Эти факты позволяют уточнить границы методологических установок, рефлексия которых направлена на понимание причин гносеологического современного «гносеологического поворота» в познавательной деятельности.

Заключение

В результате рефлексивного осмысления вышеизложенного сделаем выводы:

– изменение функциональной направленности знания проявилось в тенденции «сращивания» процесса проектирования и мыслительного конструирования любых объектов, что повышает методологическую роль идеализации как способа презентации объекта в формах языковых практик (текст, интерпретации, суждения и др.);

– наличие многоструктурной связи субъекта и объекта перестаёт быть априорным условием производства знания в познавательной деятельности;

– на первый план выходит инструментальная роль идеализации любых объектов, в процессе которой соотносительность знания объекта с самим объектом «замещается» соотносительностью полученного знания об объекте системой концептов о производстве знания. Указанные факторы наиболее заметно проявляются в социально-гуманитарном познании.

В этих «методологических сюжетах» ускользает не только сам субъект и объект познания, но и исчезают познавательные ориентиры самого знания, корреспондируемого истиной, как содержание знания (в определённых интервалах), тождественное объекту знания. Истина перестаёт быть демаркацией между знанием и незнанием, адекватностью и неадекватностью знания. Она становится или продуктом синтетических концептов или выступает в статусе правды – «...истина на

деле...» [5, с. 36]. Истина «заблудилась» в поисках своего содержания, а в картинах мира постмодернизма и постструктурализма вообще исчезла. Вместе с истиной становится неактуальной проблематика критериев истины – совокупности знаний, с помощью которых можно провести чёткое различие между знанием и заблуждением, иллюзиями и реальностью. В результате исчезновения истины современная философская мысль приходит к печальному выводу: «Критерии истины случайны, сама истина <...> нам не доступна, а наш интеллект слаб и постоянно искажает картину реальности. <...> это надо понять, принять и иметь в виду. И жить дальше» [6, с. 191]. Согласимся – жить дальше необходимо... Но как жить? Выстраивать жизнь без проверенных опытом правил, без научно обоснованных ориентиров, на базе которых выстраиваются научные картины мира, без самого феномена знания, который сберегает от иллюзий и влияния деструктивных религиозных сект? Или, наконец, признаем, что решение проблемы – «... истинные знания необходимо оставить науке будущего» [7, с. 419]. Исходим из посылки, что найденные ответы на поставленные вопросы помогут снова найти истину и вернуть её научный статус в пространство познавательной деятельности. Как было отмечено ранее, теоретические объекты, не являясь объектами реального мира (а только их идеализированными представлениями), согласуются с реальностью только с помощью конкретной картины мира. Но аналитическая возможность подобного согласования или игнорировалось в методологии постклассических исследовательских программ, или конструировалась в качестве инструментария оценочных экзистенциальных и языковых практик.

Из факта, согласно которому нарративы эмоций и бытийности чувств отражают реалии мира, вовсе не следует: «...что мир не поддаётся научному осмыслению» [8, с. 78]. А из того: «...что сущее существует для человека текстуально, вовсе не следует того, что невозможно научное познание истины» [9, с. 110]]. Поэтому вряд ли можно категорично утверждать, что во всех известных неклассических теориях истины принципиально игнорируются традиционные аппозиции: объект-субъект-объект в познании. В неклассической методологии эти оппозиции скорее приобретают предпосылочный характер, а интенция философских рефлексий по-прежнему остается направленной

на анализ истины и её критериев. Так как любое знание, несмотря на изменение своего функционала, носит прагматический характер, направленный на реальность: «т. о. ... изъять объект и объективность из процесса познания не предоставляется возможным» [10, с. 95]. Таким образом, идея соответствия знания самому объекту остаётся как фактор неявного допущения в понимании истины. Истина остаётся, она только на время исчезла из поля философской рефлексии, «запутавшись в дебрях» методологических установок неоклассики. Да здравствует истина!

Список литературы

1. Касавин И. Т. Социальная эпистемология: фундаментальные и прикладные проблемы. М. : Альфа-М, 2013. 560 с. EDN: SJBKAB
2. Latour B. From the world of science to that of research? // *Science*. 1998. Vol. 280, № 5361. P. 208–209. <https://doi.org/10.1126/science.280.5361.208>
3. Тайсина Э. А., Халитов Т. Н. Теория познания перед философско-антропологическим вызовом // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 4 (32). С. 156–161.
4. Курашов В. И., Курашов Я. В. Динамика взаимодействия естествознания и техники в истории развития научно-технического знания: философско-методологический анализ // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5, № 3. С. 61–74. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.3.6>
5. Илларионов Г. А., Мосиенко М. К. «Войны памяти» и проблема социально-эпистемологического релятивизма // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 30–50. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_30, EDN: WQRPRV
6. Борзых С. В. Критерии истины. М. : ИНФРА-М, 2023. 193 с.
7. Мяки У. Что такое реализм // Философия экономики: Антология. М. : Изд-во Института Гайдара, 2012. С. 419–428.
8. Анисимова С. Ю., Борисова Т. В. Проблема онтологического статуса феномена памяти : [монография]. Самара : Самарский государственный технический университет, 2024. 158 с.
9. Дёмин И. В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Самара : Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2017. 273 с. EDN: FBShRU
10. Кудрин А. К. Об объективности и релятивизме знания // Философия и/или новое интегративное знание-2 : материалы Всерос. науч. конф. (Ярославль, март 2011 г.) / под ред. А. В. Азова. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 91–104.

References

1. Kasavin I. T. *Sotsial'naya epistemologiya: fundamental'nye i prikladnye problemy* [Social Epistemology: Fundamental and Applied Issues]. Moscow, Alfa-M, 2013. 560 p. (in Russian). EDN: SJBKAB
2. Latour B. From the world of science to that of research? *Science*, 1998, vol. 280, no. 5361, pp. 208–209. <https://doi.org/10.1126/science.280.5361.208>
3. Taysina E. A., Khalitov T. N. Theory of knowledge in front of the philosophical-anthropological challenge. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2013, no. 4 (32), pp. 156–161 (in Russian).
4. Kurashov V. I., Kurashov Ya. V. Dynamics of interaction of natural science and technology in the history of the development of scientific and technical knowledge: Philosophical and methodological analysis. *Vestnik of Samara State Technical University. Series "Philosophy"*, 2023, vol. 5, no. 3, pp. 61–74 (in Russian). <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.3.6>
5. Illarionov G. A., Mosienko M. K. "Memory wars" and the problem of socio-epistemological relativism. *Antinomii* [Antinomies], 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 30–50 (in Russian). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_30, EDN: WQRPRV
6. Borzykh S. V. *Kriterii istiny* [Criteria of Truth]. Moscow, INFRA-M, 2023. 193 p. (in Russian).
7. Myaki U. What is Realism. In: *Filosofiya ekonomiki: Antologiya* [Philosophy of Economics: Anthology]. Moscow, Institut Gaydara Publ., 2012, pp. 419–428 (in Russian).
8. Anisimova S. Yu., Borisova T. V. *Problema ontologicheskogo statusa fenomena pamyati: monografiya* [The problem of the ontological status of the memory phenomenon: Monography]. Samara, Samara State Technical University Publ., 2024. 158 p. (in Russian).
9. Demin I. V. *Semiotika istorii i germenevtika istoricheskogo opyta* [Semiotics of History and Hermeneutics of Historical Experience]. Samara, Samara Humanitarian Academy Publ., 2017. 273 p. (in Russian). EDN: FBShRU
10. Kudrin A. K. On the Objectivity and Relativism of Knowledge. In: *Filosofiya i /ili novoe integrativnoe znanie-2: materialy Vseros. nauch. konf.* (Yaroslavl', mart 2011 g.). Pod red. A. V. Azova [Azov A. V., ed. Philosophy and/or New Integrative Knowledge-2: Materials of the All-Russian scientific conference (Yaroslavl', March 2011)]. Yaroslavl', YaGPU Publ., 2011, pp. 91–104 (in Russian).

Поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 14.06.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 14.06.2025; accepted for publication 15.11.2025